

«МАССЫ» В ТЕОРИИ ТОТАЛИТАРИЗМА ХАННЫ АРЕНДТ

П. Баэр

Университет Линнань (Гонконг)

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» публикует перевод англоязычной статьи Питера Баэра “The “Masses” in Hannah Arendt’s Theory of Totalitarianism”¹, представленной в журнале *The Good Society* Университета Штата Пенсильвания (США) в 2007 г. Перевод и публикация осуществлены с согласия самого автора.

Ключевые слова: Ханна Арендт, Макс Вебер, Карл Ясперс, политика, власть, тоталитаризм.

I

Данная статья задается необычной целью — рассмотреть критическое отношение Ханны Арендт к шаблонному мышлению и клише. Будучи воодушевляющим мыслителем во многих отношениях, она сама опасалась подобного мышления, но была еще больше озадачена, когда клише приобрело «телесную форму» в лице Адольфа Эйхмана. Обратимся к другому — ее воскрешению «масс». Сам термин имеет сложную историю в политической мысли XIX и XX вв. Социалисты часто использовали его в положительном смысле. Консерваторы и либералы, напротив, воспринимали массы как угрозу для порядка и свободы. Импульсивные, неуравновешенные, доверчивые и неразумные массы грозили «захватить» политическую систему и передать власть демагогу, который знал лучше всех, как ими управлять [Bellamy 2003]. Арендт, республиканский политический теоретик, также считала массы разрушительной силой, и ее изображение масс всецело отрицательно. В ее работе «звучат» отголоски ранних и современных дебатов. Для Арендт, как и для Гюстава Лебона, Макса Вебера и многих других, массы однородны и аморфны. Они не способны рассуждать, или, скорее, их рассуждения носят весьма необычный характер, похожий больше на рассуждения наивного логика. То, что «массы» играют важную роль в ее теории тоталитаризма, является признанным фактом. Тем не менее, сложные аспекты и двусмысленности ее аргументации зачастую не достаиваются должного внимания. Некоторые из них приводятся ниже.

¹ См.: Baehr P. The “Masses” in Hannah Arendt’s Theory of Totalitarianism. — *The Good Society*. — 2007. — Vol. 16. — No. 2. — Pp. 12–18.

II

С точки зрения Арендт, тоталитаризм возможен в обществах, в которых классы растворились в массы и где партийная политика сведена к идеологическому позерству, а ответственность гражданства поддалась апатии в широких масштабах. «Тоталитарные движения, — пишет Арендт, — нацелены на массы и преуспели в организации масс, а не классов» [Арендт 1966: 411]. Классы — это формирования на основе интересов, обусловленные своей ролью и местом в производственном процессе. Они передают личностям чувство общественного участия. Обычные политические партии представляют классовые силы по-разному. Массы — это нечто совсем другое, и их нельзя путать с божественным духом, гангстерами или заговорщиками. Массы представляются в двух взаимодополняющих формах. Во-первых, в их состав входят люди, живущие на периферии всех социальных и политических деятельностей. Эти люди существуют в рамках классового общества и партийной политики.

Термин «массы» применяется только тогда, когда мы имеем дело с людьми, которые либо из-за огромного числа, либо безразличия, либо из-за сочетания того и другого не могут быть интегрированы в какую-либо организацию, основанную на общих интересах, в политические партии или муниципальные органы власти или профессиональные организации или профсоюзы. Потенциально они есть в каждой стране и составляют большинство того большого числа нейтральных, политически безразличных людей, которые никогда не вступают в партию и почти никогда не ходят на выборы.

Лишенные организационной принадлежности, убеждения, неопытные в политике, массы навлекают «чуму» на все дома. Лишенные ранее партийной организованности и уверенности в своей риторике, они прибегают к тоталитарным движениям для достижения существенных результатов. В этом смысле массы указывают на то, что так называемое демократическое правительство функционирует среди населения, которое терпит его без особого энтузиазма. Их типичное спокойствие и апатия отнюдь не есть согласие. Когда тоталитарные движения колонизируют парламент и начинают его разрушать, массы не проявляют сожаления, поскольку для них он представляет собой символ обмана и мошенничества.

Наряду с этим первым значением «масс» — элемент современных обществ, указывающий на неспособность классовых образований вобрать в себя многие слои населения — Арендт вводит и другое значение. С ее точки зрения, массы являются продуктом конкретной конъюнктуры. Они включают элементы всех социальных слоев, потерявшие свою социальную идентичность и эмоциональные связи в результате резкого перехода к другому политическому, геополитическому и экономическому вектору развития. Согласно Э. Дюркгейму и Т. Парсонсу, данные условия вызывают аномию, однако Арендт этот термин активно избегает. В континентальной Европе массы появились по одной из двух причин. В первом случае они были непреднамеренным последствием беспорядков, последовавших за Первой мировой войной: революцией, военным поражением, экономической депрессией, распадом империи, созданием новых этнических государств. Эта картина была характерна для большинства частей Центральной и Западной Европы. Социальные бедствия сильно разрушили классовую систему. Ее место заняла «новая ужасающая отрицательная солидарность» — «бесструктурная масса озлобленных индивидов» — состоящая из безработных, обездоленных мелких предпринимателей и «прежних членов среднего и высшего классов» [Там же: 419]. Общим для всех было неразрешенное чувство горечи, предательства и отвращения к партиям, особенно к таким, которые заявляли о представлении и защите их интересов.

В Германии и Австрии национал-социализм воспользовался этим кризисом, организовав массы, которые были политически лишены гражданских прав и экономически выхолощены в межвоенные годы. Массы обеспечили социальную основу нацистской диктатуры, а после 1940 г. — тоталитарного режима. В странах, где доминировал большевизм, массы, наоборот, были прежде всего *артефактом преднамеренной политики*, направленной на «из-

мельчение» всех групп и фракций, не зависящих от государства. Арендт утверждает, что Ленин, опасаясь формирующегося советского общества, сознательно стремился к усилению его стратификации посредством увеличения интересов и идентичностей, основанных, например, на независимых профсоюзах, советах и национальности. Сталин отменил этот процесс. Он хотел «сфабриковать атомизированную и бесструктурную массу» [Там же: 425], чтобы лучше доминировать в обществе. Для этого он приступил к ликвидации собственников, независимых крестьян, профсоюзов и советов, провел военную и бюрократическую чистку, включая руководителей фабрик и инженеров. Все «неполитические общественные связи» [Там же: 425] были также искоренены террором, поощряющим денонсацию и разрыв дружеских и семейных связей. Быстрота подъема большевиков после революции 1917 г. означала отсутствие тоталитарного движения, сопоставимого с тем, применимым нацистами. Вместо тоталитарного движения, организующего массы, как в Германии, тоталитарное государство в России создавало их.

Итак, в том или ином смысле массы характеризуются социальной и политической маргинализацией. Массы состоят из людей, укрывающихся озлобленным чувством избыточности — «в Европе совершенно новое явление, сопутствующий результат массовой безработицы и роста населения за последние 150 лет» [Там же: 414]. Массы — это люди всех социальных и интеллектуальных убеждений, в том числе «атомизированные» и «разрозненные» [Там же: 429], неуравновешенные, самоотверженные, индивидуумы без индивидуальности, адаптируемые и фанатичные. Арендт изображает их как людей, чья горечь сопровождает «радикальное отсутствие личной заинтересованности», «циничное и скучливое равнодушие перед лицом смерти», «страстную привязанность к наиболее отвлеченным понятиям как путеводителям по жизни», «общее презрение даже к самым очевидным правилам здравого смысла» [Там же: 421], «фанатичные до крайности», все «желающие умереть смертью роботов» [Там же: 478]. Это не «жестокость и отсталость», которые типичны для «человека массы», а скорее «его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений», фрагмент конкурентного и одинокого общества [Там же: 422]. Тоталитарная пропаганда в ее бесконечном повторении нескольких ключевых идей привлекательна для масс, потому что это люди, лишенные проницательности.

Они не верят ни во что видимое, в реальность своего собственного опыта; они не доверяют своим глазам и ушам, а только своим фантазиям, объектом которых могут стать все, что универсально и последовательно само по себе. То, что убеждает массы, не факты, и даже не придуманные факты, а только последовательность системы, частью которой они предположительно являются... То, что массы отказываются признать, — это случайность, которая пронизывает реальность. Они предрасположены ко всем идеологиям, потому что объясняют факты как простые примеры законов и устраняют совпадения, придумывая всеобъемлющее всемогущество, которое должно быть в основе каждого происшествия.

Когда тоталитаризм рушится, его массовые приверженцы не испытывают сильных потрясений. Они либо находят для себя новую функцию, либо просто возвращаются к более раннему инертному состоянию, переставая «верить в догмы, за которые еще вчера были готовы принести в жертву свою жизнь» [Там же: 478]. Лишенный того, что Гитлер назвал «живой организацией» — движение в действии — мир фантазий масс рушится, подобно карточному домику. Но пока существует тоталитаризм, массы являются основным источником его поддержки. В предисловии к третьему изданию труда *«Истоки тоталитаризма»* Арендт настаивает на том, что «массовая поддержка тоталитаризма не проистекает ни из невежества, ни из процесса промывания мозгов» [Там же: 8]. Массы лояльны не к интересам, а к «вымыслам», которые придумали тоталитарные движения, но которые прекрасно синхронизируются с их собственным опытом. Они представляют мир в заговорщических терминах и сводят сложный мир к одному основному классу или расе, диалектике истории или закону генетики

превосходства, из которого выведено все остальное. Никакие факты не могут оспорить это, за исключением неопределенного будущего, исчисляемого столетиями или тысячелетиями.

Независимо от того, являются ли массы социальным материалом исторического обстоятельства или продуктом социальной инженерии, они обеспечивают ряд жизненно важных условий для тоталитарного правления. Начнем с того, что массы обеспечивают необходимую социальную основу для постоянно меняющейся политики движения. Они поддерживают своих сторонников и особенно военных, мужчин и женщин, которые готовы полностью отдаться делу. Лишенные реальных интересов в обществе, опосредуемые классом или партией, массы свидетельствуют о психологии самоотверженности, таким образом, представляя собой идеальное орудие и инструмент для тоталитарных проектов. С другой стороны, тоталитарные движения и режимы обусловлены «вечной манией движения». Они могут «сохранять власть, только пока они движутся сами и приводят в движение все вокруг себя» [Там же: 408]. Этот импульс превращается в чистки, войны, депортации и идентификацию всех новых объективных врагов для последующей ликвидации. «Большевистское понятие перманентной революции» находит свою параллель в нацистской концепции «расовой» селекции, которая никогда не должна останавливаться, требуя тем самым постоянной радикализации критериев, в соответствии с которыми осуществляется селекция, т. е. уничтожение непригодных» [Там же: 511]. Но для этого тоталитаризм должен иметь в своем распоряжении значительное количество людей, которых можно было бы для этого «использовать».

И здесь «массы» сливаются с более привычным значением этого термина: очевидной силой численности. Это положение занимает центральное место в утверждении Арендт о том, что небольшие народы, даже если они «взрачивают» тоталитарные движения, все-таки не способны создать тоталитарный режим. Будучи не способны остановить тоталитарного джаггернаута, они оказываются погрязшими в более традиционных формах диктатуры. Такой была история довоенной Румынии, Португалии, Венгрии и Испании; в результате тоталитарного правления численность населения значительно сократилась бы, и, следовательно, уничтожило бы эти страны. В России, напротив, большая численность населения делала возможной такую форму правления. В Германии оно тоже было возможно, особенно, если учесть тот факт, что в годы войны Германия распространилась по всей Европе, вбирая все новые «элементы» в свою империю. Перспективы тоталитарного правления в Индии и Китае «пугающе хороши» именно потому, что они представляют почти неисчерпаемый материал для накопления энергии и техники уничтожения человека для полного господства. В обществах с давней традицией «презрения к ценности человеческой жизни» чувство избытка масс не является чем-то новым [Там же: 415].

Таким образом, массы составляют два жизненных условия тоталитаризма. С одной стороны, поддерживают военных и сторонников тоталитаризма, а с другой — обеспечивают массы количественно. Массы также являются основой внутренней легитимности тоталитаризма, что можно рассмотреть как третье условие в дополнение к предыдущим двум. Тоталитарные правители по-настоящему популярны среди «масс». Арендт утверждает, что «ни московские судебные процессы, ни уничтожение фракции Рема не были бы возможны, если бы эти массы не поддерживали Сталина и Гитлера» [Там же: 408]. И она решительно заявляет, что тоталитарные правители являются лидерами масс, воплощая перенос массовых качеств на одного человека или элиту. Диктатура Гитлера, а также Сталина ясно указывают на то, что «изоляция атомизированных индивидов не только обеспечивает массовый фундамент для тоталитарного правления», но распространяется также на властную структуру [Там же: 531]. Правда, люди, подобные Гитлеру и Сталину, поднимаются из общества, «толпы» социальных неудачников и аутсайдеров. Действительно, тоталитарные лидеры — это люди масс, осознающие, чего хотят массы и на что они способны. Лидеры масс понимают, утверждает Арендт, что массы ценят не что иное, как фанатизм, единственное, что дает им неразбавленный смысл цели.

III

Анализ Арендт имеет основополагающее значение для тоталитаризма, но его легко недооценить. Она обращается к толпе и массе в заголовках подсекций Глав 4, 5 и 10, однако тоталитарные лидеры такого внимания не удостоиваются. Эта лагуна может предполагать (ошибочно), что она отводила Гитлеру и Сталину маргинальное значение. Но реальная причина этого, я полагаю, заключается в том, что лидеры в более общем плане не являются чем-то «выше» масс, движения или тоталитарной организации; они полностью имплицированы внутри них. В тоталитарном контексте тот, кто говорит о движении или массах, говорит о лидере в том числе. Все они являются частью одного и того же образования, что делает Арендт более «социологической» по сравнению со всеми теми социологами, которых она ненавидела [Baehr 2002]. Банальная идея о том, что успехи тоталитарных лидеров основаны на их талантах очаровывать, было, по ее мнению, абсурдным; более конкретно, идея была тавтологической. Люди очаровываются людьми, которые склонны к очарованию. «Очарованность слушателей — социальный феномен, и чары Гитлера, действовавшие на его окружение, надо понимать исходя из конкретной «компании», в которой он общался с людьми», компании, которая очаровывалась «непреклонной последовательностью», с которой он произносил каждое свое высказывание [Там же: 668]. В среде, неблагоприятной для множественности мнений и враждебной к различению, люди путают непоколебимую убежденность с разреженной истиной. Альберт Шпеер, пишущий из своей тюремной камеры Шпандау в декабре 1946 г., предлагает яркие свидетельства: в августа 1939 г., когда Гитлер уже решил напасть на Польшу, стоя на террасе своего дома в Оберзальцберге, он сказал, что на этот раз Германия должна окунуться в пропасть вместе с ним, если не победит войну. Он добавил, что прольется много крови. Как ни странно, никто из нас не был шокирован этим замечанием, мы чувствовали себя как-то превознесенными судьбой таких слов, как «война», «гибель», «бездна». В любом случае я отчетливо помню, что, когда Гитлер это сказал, я не думал о бесконечных бедах, которые он имел в виду, но думал о величии исторического часа.

Арендт была очень чувствительна к силе этой тоталитарной риторики или «стиля», как она это называла. Пророческая уверенность, утверждает она, глубоко привлекательна для всех тех в «обществе», кто либо думает одинаковым образом, либо предпочитают догму нормальному «хаосу мнений» [Там же: 407]. Лидер и массы имеют также другую особенность — циничность. Лидер циничен, потому что он сознательно занимается «игрой обмана», стремясь дезориентировать своей ложью всех тех, кто может противостоять ему. Что касается масс, они и доверчивы, и циничны. Опыт предрасполагает их верить всему и ничему; они предполагают, что все возможно и что ничто не верно. Массы невозмутимы внезапными изменениями политического развития, например советско-германского пакта, поскольку считают подобные события доказательством гениальности их лидера. Ложь — просто свидетельство блестящих целей лидера, которые, будучи «спланированы на века вперед», исключаются из проверки непосредственного опыта.

IV

Массы пронизывают каждый уровень анализа Арендт. Они составляют основную часть движения. Тоталитарные лидеры восходят из толпы и воплощают массы. Массы занимают видное место даже в арендтовском обсуждении концентрационных лагерей. Она утверждает, что лагеря предоставляют стражам и управляющим яркое представление о том, что может быть при тоталитарных условиях. «Этим людям (а они более многочисленны в любом большом городе, чем нам хотелось бы думать) тоталитарный ад доказывает только то, что человеческая власть несравненно более сильна, чем они когда-либо осмеливались думать, и что человек может осуществить адские фантазии без того, чтобы небеса опустились на зем-

лю, а земля разверзлась» [Там же: 579]. Правда, Арендт не упоминает массы конкретно, но продолжает, что современные массы от масс предыдущих веков отличаются «утратой веры в Судный день»; «неспособные жить без страха и надежды, эти массы притягиваются ко всему, что, кажется, сулит им рукотворный Рай, по которому они тоскуют, и Ад, которого они боятся» [Там же: 579]. Она говорит, что они являются результатом «периода политической дезинтеграции», которая «внезапно и неожиданно сделали сотни тысяч человеческих существ бездомными, лишили их государства, поставили вне закона и превратили в отверженных, тогда как миллионы человеческих существ стали экономически лишними и социально обременительными в силу безработицы» [Там же: 580]. «Тоталитарная попытка сделать людей лишними отражает ощущение собственной избыточности на перенаселенной Земле» [Там же: 596].

В первом издании *«Истоков тоталитаризма»* Арендт не разбирает далее это положение. Второе издание 1958 г. разъясняет его с включением новой главы «Идеология и террор: новая форма правления». Обсуждая «базовый опыт», обеспечивающий условия тоталитаризма, а также пронизывающий его механизм, Арендт противопоставила тиранию и тоталитаризм. Жизненный опыт, лежащий в основе тирании, способствующий ее процветанию, есть *политическая* изоляция и бессилие; люди не могут действовать совместно, чтобы повлиять или вообще участвовать в политических действиях. Тем не менее домашняя и семейная жизнь, сфера труда и жизнь ума остаются в значительной степени неприкасаемыми, то есть пространствами аполитичной свободы. Тоталитаризм гораздо более радикален, чем тирания; он разрушает общественное пространство и ограничивает людей политически. Но сфера его деяний еще шире. «Мы знаем, что тяжкий гнет тотального террора не оставляет места для такого рода частной жизни и что самопринуждение тоталитарной логикой разрушает человеческую способность к опыту и мысли так же верно, как и его способность к действию» [Там же: 616]. Соответствием террору и идеологии является «одиночество в сфере *межчеловеческого* общения». Или, как она утверждает, тоталитарное господство — это новая форма правления, которая «опирается на одиночество, на опыт тотального отчуждения от мира, опыт, принадлежащий к числу самых глубоких и безысходных переживаний человека» [Там же: 617]. Арендт продолжает: «Одиночество как условие для распространения террора, этой сущности тоталитарного правления, и для подавляющего влияния идеологии или убийственной логичности, подготовлявшей будущих палачей и жертв террора, тесно связано с потерей почвы под ногами и ощущением своей ненужности, что стало бичом современных масс с началом промышленной революции и приобрело особую остроту с наступлением империализма в конце прошлого века и крушением политических институтов и социальных традиций в наше время. Потерять почву и прочные корни — значит не иметь своего места в мире, признанного и гарантированного другими; быть ненужным означает вовсе не принадлежать к миру» [Там же: 617].

В свою очередь, одиночество означает, что люди теряют чувство реальности, то, что зависит от наших взаимодействий с другими, которые могут подтвердить точность наших чувственных восприятий и даже нашу идентичность. Уединение — это не то же самое, что одиночество, ибо человек все же способен пробуждать в мыслях диалог с другими людьми, а также с самим собой. Одиночество, в отличие от уединения, — это чувство отказа, отсутствия общения, отчуждение от других. Логическое рассуждение является дополнением к одиночеству, потому что одинокий человек, лишенный реальности, способен к «додумыванию всего до самого худшего», всегда приходящем к наихудшим из возможных умозаключений [Там же: 620].

Что мы можем вывести из этого общего обсуждения масс? Начнем с того, что «массы» ни в коем случае не идентичны «массовому обществу». В своем лексиконе «массовое общество» относится к обществу потребления, в котором развлечение — это способ физического расслабления, который является частью «метаболизма человека с природой», занявшее цен-

тральное место в жизни людей. Строго говоря, «массовая культура» есть неправильный феномен. Сама культура вбирает в себя вечное, то, что захватывает нас духовно. Индустрия же развлечений, напротив, предлагает изобилие сиюминутных вещей, единственная цель которых — стимулировать наш аппетит к отвлечению и эфемерному удовольствию. Массовое общество пожирает свои продукты — фильмы, боулеризированные книги и т. д. — во многом так же, как напитки или еду. Критерии, по которым оно оценивает товары, являются новизна, свежесть и «крутость» (как мы бы сказали сегодня). И поскольку массовое общество навязчиво ориентировано на потребителя, оно лишено возможностей заботы о мире: рушится все то, к чему оно прикасается [Арендт 2014: 291–334]. «Массы» — это нечто совсем другое, не являясь при этом синонимом современного общества. Они, как мы видели выше, являются результатом коллективного несчастья: экономической и политической катастрофы или преднамеренного государственного принуждения. Именно Европа, а не Соединенные Штаты привела к появлению огромного числа масс. Другие аспекты масс Арендт в своей работе не затрагивает, однако особого внимания заслуживает одна «аномалия» и двусмысленность.

Аномалия такова. Когда Арендт обсуждает нацистское движение и режим, в качестве сносок приводятся изречения самих акторов, будь то главный герой, критик или свидетель. Она использует в значительной степени первичную литературу, в которой людям разрешено говорить от своего имени. Цитируются также слова Гитлера. Цитируются также представители тоталитарной элиты, в частности, Йозеф Геббельс, Генрих Гиммлер и даже Эрнст Рем. Слова Давида Руссе, Ойгена Когона и Бруно Беттельгейма служат свидетельством Нюрнбергского процесса. С другой стороны, вердикт Арендт о массах не обоснован. Она не предоставляет эмпирических доказательств ее жестким заявлениям о «менталитете масс», но полагается вместо этого на ученых, таких как Гюстав Лебон или на биографов Гитлера, таких как Конрад Хайден, например. Имеющиеся материалы, которые она могла использовать при написании работы, — интервью, опросы, данные уличных наблюдений — не рассматриваются важными с ее точки зрения.

Относительно двусмысленности: Арендт описывает массы как атомизированный слой «полностью изолированных» людей. Однако в других контекстах она характеризует человека из массы следующим образом: «он не был ни богемой, как Геббельс, ни сексуальным преступником, как Штрейхер, ни полупомешанным, как Розенберг, ни фанатиком, как Гитлер, ни авантюристом, как Геринг. Он доказал свои превосходные способности к организации масс для осуществления тотального господства, просто предположив, что большинство людей — не богема, не фанатики, не авантюристы, не сексуальные маньяки, не чокнутые и не социальные неудачники, но прежде всего и больше всего держатели рабочих мест и добропорядочные семейные люди» [Там же: 448] В одном из отрывков она продолжает: «Обыватель — это буржуа, оторванный от собственного класса, атомизированный индивид, порожденный распадом буржуазного класса как такового. *Массовый человек, кого Гиммлер организовал* для величайших массовых преступлений, когда-либо совершенных в истории, имел черты обывателя, а не прежнего человека толпы и был буржуа, который посреди развалин своего мира ни о чем так не беспокоился, как о своей личной безопасности, готовый по малейшему поводу пожертвовать всем — верой, честью, достоинством. Оказалось, нет ничего легче, чем разрушить внутренний мир и частную мораль людей, не думающих ни о чем, кроме спасения своих частных жизней» [Там же: 449].

Как так сложилось, что человек толпы, которого Арендт изобразила одиноким и несемейным, является буржуазным обывателем, для которого семья и собственность являются высшими ценностями? В первом случае человек толпы утерял все социальные узы; во втором — только его классовое положение. Путаница усиливается, когда Арендт пишет о дипломированных различиях среди членов партии и отмечает, что «простые члены нацистского или большевистского движения еще принадлежат по многим параметрам окружающему

миру. Их профессиональные и социальные связи еще не абсолютно детерминированы партийным членством, хотя они и могут осознавать — в отличие от простых сочувствующих, — что в случае конфликта между их партийным долгом и их частной жизнью решающим будет партийный долг» [Там же: 483]. Предположительно, эти члены партии есть массы, которые организовали движение. Но сам факт, что «конфликт» может возникнуть между профессиональными и социальными отношениями, с одной стороны, и партийной преданностью, с другой, предполагает обычную жизнь, которую до сих пор или, по крайней мере, в других контекстах, Арендт отрицала. Маргарет Канован, отмечая эту двусмысленность, считает, что Арендт предлагает две причины тоталитаризма при том, что только одна ссылается на массы. Однако термин «массы» используется в обоих контекстах. Теоретическая проблема этого очевидна. В отличие от таких терминов как статусная группа или класс, которые по определению относительны, «масса» становится гомогенизирующим «кулаком». Если бы массы существовали наряду с классами, тогда, по крайней мере, один из них получил бы аналитическое различие. Пути к массовости могут быть множественными, но идея дифференцированной массы неоднородна. Неоднородность предполагает расслоение, подразумевая классы и классы классов. «Массы» — это просто не концепция, предназначенная для работы с множественными слоями общества, особенно с теми, которые кажутся противоречивыми: конформистский человек толпы, который ставит семью и собственность выше всех других интересов, с одной стороны, и фанатичного, изолированного и распыленного человека, с другой.

Почему же тогда Арендт объединяет оба типа людей в одну группу? На мой взгляд, причиной этому является невозможность объяснить народную поддержку национал-социализма только в рамках одного класса. Она была права. Было бы лучше сказать, что поддержка национал-социализма не знала классовой принадлежности. Разумеется, позиция Арендт отличалась от позиции Теодора Гейгера, Зигмунда Нойманна, Гарольда Лассуэлла, Иоахима Феста и Карла Дитриха Брахера, которые утверждали, что «фашизм» был в целом мелкобуржуазным движением. Массы охватывают больше, чем мелкая буржуазия. К сожалению, ее массовый редукционизм столь же проблематичен, как и редукционизм класса, который она не признавала. Рассмотрим следующее утверждение: «Массы, в отличие от классов, желают победы и успеха как таковых, в их наиболее абстрактных формах; они не связаны друг с другом теми особыми коллективными интересами, которые бы они ощущали существенными для их собственного выживания в виде группы и которые они могли бы поэтому отстаивать даже перед лицом превосходящих сил. Для них важнее победа безотносительная к случаю и успех, независимый от того, что предпринимается, чем какое-то конкретное дело, способное принести победу, или особое предприятие, сулящее успех» [Там же: 463].

Этот портрет поражает триумфом определенной философии над историей. Реальность была намного сложнее. Ричард Гамильтон показывает, что поддержка выборов в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСРП) заметно отличалась в зависимости от религиозных конфессий, например, в деревнях и небольших городах, протестанты были привязаны к национал-социализму, в то время как католики в основном выступали против. В результате анализа голосования четырнадцати крупнейших городов Германии Гамильтон также установил, что поддержка Гитлера на выборах сильно коррелировала с благосостоянием людей. Например, в Гамбурге, где партия получила треть голосов на выборах в июле 1932 г., больше всего за него проголосовали три лучших квартала (от 41 до 48 %), меж тем как богатая пригородная община дала национал-социалистам 54 % своих голосов.

Майкл Манн приходит к аналогичным выводам с несколько иным акцентом. «Фашизм», действительно, мобилизовал людей всех классов: военных, работников государственного сектора, юристов, преподавателей, врачей и др. Список военных преступников (1 581 человек), осужденных за этнические чистки, показывает численное преобладание индивидумов из приграничных районов или «утерянных территорий», в частности, эльзасских нем-

цев и этнических немцев из Польши и других восточных районов. Многие были лишены крова или попали в лагеря беженцев (факт, который, по крайней мере, согласуется с аргументами Арендт о массах). Они были озлоблены и идеологичны. Исходя из этого, Манн утверждает, что антисемитизм был частью более широкого этнического имперского ревизионизма, проводимого людьми, которые считали себя жертвами. Биографии самих преступников были схожи с биографиями нацистов. Они не были «обычными людьми» или обычными буржуазными рабочими, но людьми, которые с Первой мировой войны принимали активное участие в уличных боях, выполняли полицейские обязанности и программу эвтаназии. Многие из них были «закоренелыми нацистами». До этого 30 % были членами отрядов *Фрайкорпса*.

Можно ли оценить суждения Арендт, используя современные стандарты? Одним из них является работа Теодора Абеля «Почему Гитлер пришел ко власти» [Abel 1986]. В своей работе Абель передал слово сторонникам НСНРП. Его 600 нацистских историй жизни рабочих, фермеров, солдат, молодежи, «антисемитов» и других раскрывают причины поддержки национал-социализма, которые в своей самой человечности опровергают понятие «масс». В качестве результата выводится социальный портрет, в котором исповеданию, географии и экономическому сектору отводится свое место. Томас Чайлдерс, являясь бенефициаром работы Абеля, признается в уникальности книги с точки зрения обширности свидетельств по НСНРП, отраженных на ее страницах. Арендт, похоже, на это не обратила внимание.

V

«*Истоки тоталитаризма*» — необычный труд. Аргументы граничат с парадоксами, держа читателей постоянно в напряжении. Ханна Арендт поистине великий мыслитель, а также великий художник, чья творческая палитра раскрывают страдания и глупость. Тем не менее, будучи ярким противником клише, ее теория масс была поэтической и богатой человеческим пафосом. Возможно, философы не обратят внимания на этот факт, но социологам учесть это необходимо.

Перевод с английского А.Г. Акопян

Арендт Х. 1996. *Истоки тоталитаризма*. — Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова, послесловие Ю.Н. Давыдова, под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. — М: ЦентрКом. — 672 с.

Арендт Х. 2000. Ответ Эрику Фегелину. — Под ред. Питера Баэра, *The Portable Hannah Arendt*. — Нью-Йорк: издательство «Penguin».

Арендт Х. 2011. *О революции*. — Пер. с англ. И. Косич. — М.: Издательство «Европа». — 464 с.

Арендт Х. 2014. *Между прошлым и будущим («Кризис в культуре»)*. — Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. — М.: Изд-во Института Гайдера. — 416 с.

Манн М. 2016. *Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток*. — Под ред. А.Р. Дюкова, С. Карамаева. — Изд. Пятый Рим. — 715 с.

Шпеер А. 2014. *Шпандау. Тайный дневник*. — Пер. с нем. И. Кастальской, под ред. И. Захарова. — Изд-во Захаров. — 528 с.

Abel T. 1986. *Why Hitler Came Into Power*. — Cambridge, MA. — Harvard University Press.

Arendt H. 1994b. Organized Guilt and Universal Responsibility. — *Essays in Understanding*. — J. Kohn (ed.). — New York: Harcourt Brace.

Baehr P. 2002. Identifying the Unprecedented: Hannah Arendt, Totalitarianism and the Critique of Sociology. — *American Sociological Review*. — Vol. 67. — No. 6. — Pp. 804–831.

Bellamy R. 2003. *The Advent of the Masses*. — *The Cambridge History of Twentieth Century Thought*. In T. Ball & R. Bellamy (eds). — Cambridge University Press — Pp. 70–103.

Canovan M. 1992. *Hannah Arendt: A Reinterpretation of Her Political Thought*. — Cambridge University Press.

Canovan M. 2002. The People, the Masses, and the Mobilization of Power: The Paradox of Hannah Arendt's "Populism". — *Social Research*. — Vol. 69. — No. 2 — Pp. 403–422.

Canovan M. 2004. The Leader and the Masses: Hannah Arendt on Totalitarianism and Dictatorship. — *Dictatorship in History and Theory: Bonapartism, Caesarism, and Totalitarianism*. — Cambridge University Press. — Pp. 241–260.

Hamilton R. 1996. *The Social Misconstruction of Reality: Validity and Verification in the Scholarly Community*. — New Haven: Yale University Press.

Mann M. 2004. *Fascists*. — Cambridge: Cambridge University Press.